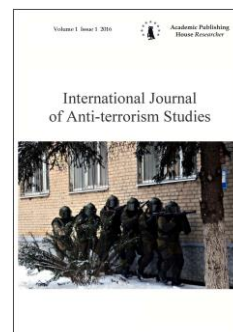

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
International Journal of Anti-terrorism Studies
Has been issued since 2016.
E-ISSN: 2454-0838
2018, 3(1): 11-22

DOI: 10.13187/ijats.2017.1.11
www.ejournal50.com

The Prologue of Russian Terrorism

Andrey V. Mankov ^{a, *}

^a Military Academy of Communications named after S.M. Budenny, Russian Federation

Abstract

At the end of the 20th century terrorism transformed from abstract term to the realistic politico-social event for the most Russian citizens. According to the national experts' opinion, in the 21st century terrorist threat will even amplify for some countries and there will be no exception for Russia too. Nowadays the scientific point of view to the terrorism is very important in the interests of further state counter-terrorism efforts because of the violence existing in our society. Learning the history of terrorism and counter-terrorism efforts in the past is the pressing issue to reach the goal of anti-terror threat. In connection with this, the research appeals to the origins of this phenomenon in the socio-political life of Russia. The author emphasizes that the origins of the terrorism should be found in the years of 1860. The roots are closely connected with the revolutionary movement in our country in the second part of 19th century. The emergence of terrorism in Russia was primarily a consequence of the development of complex socio-political problems.

Keywords: Russia, terrorism, origins of terrorism, «Young Russia», «People's Massacre», «Revolutionary Catechism», extremism.

1. Введение

Трагической реальностью постсоветской России продолжает оставаться терроризм. В ближайшие годы для современной России, по всей видимости, рост масштабных террористических угроз продолжится (Дворянов и др., 2005). Во-первых, международный терроризм, по мнению авторитетных отечественных специалистов, обладает немалыми возможностями для военно-политических объединений, поиска мер взаимной военной и материальной поддержки (Мохоров и др., 2003: 11). Во-вторых, актуальность нового обращения к проблеме терроризма обусловлена социально-политическими реалиями нынешней России и возрождением экстремистских планов в деятельности некоторых отечественных политиков и общественных движений и организаций.

В связи с этим, сегодня, как никогда, существует необходимость продолжения научного анализа экстремизма и его спутника терроризма и их современных аспектов. При осмыслении какого-либо сложного социального явления всегда полезно обратиться к его истории. Несомненный интерес, как исследователя, так и практика противодействия экстремизму и терроризму, по нашему мнению, представляет вопрос – когда и при каких обстоятельствах в России зародились первые радикальные, а затем экстремистские и террористические социально-политические идеи и появились первые террористические организации? В то же время в настоящее время создается впечатление, что со страниц

* Corresponding author
E-mail addresses: 63donetsk@mail.ru (A.V. Mankov)

зарубежных изданий в отечественные средства массовой информации прочно перекочевал тезис об «исламской террористической угрозе». В общественное сознание граждан западных стран, а теперь уже и россиян вольно или невольно, но очень усиленно внедряется представление о мусульманском мире как основном источнике международного и отечественного терроризма, что не может не удовлетворять разум вдумчивого исследователя (Тихонов, 2009: 11).

Особый отпечаток на проблему политического насилия в российской истории накладывает факт 100-летия русской революции 1917 г. Экстремистские способы борьбы за власть прошлого, активно использованные участниками этого сложнейшего социально-политического процесса, заставляют исследователя еще раз обратиться к истории. В интересах безопасности общества следует продолжать исследования истоков тех событий, которые разрушили Российскую империю и дали почву для создания тоталитарного Советского государства. Знание истории отечественного терроризма, на наш взгляд, может способствовать выработке мероприятий, направленных на противодействие этой особой форме социально-политического насилия в стране.

Одной из исторических разновидностей терроризма предстает революционный терроризм, который, на наш взгляд, был как начальной, так и основной формой терроризма в нашей стране (Будницкий, 2000: 2). Цель публикации – выявить некоторые особенности происхождения российского терроризма. Чтобы ответить на этот вопрос, важный для практического противодействия насилию в современных условиях, проведем исторический анализ генезиса российского экстремизма. Для этого мы обратимся к одному из ранних периодов российского революционного движения – началу 1860-е гг.

2. Материалы и методы

Методологическая основа статьи базируется на общефилософском подходе к познанию объективной реальности в совокупности идей, относящихся к диалектическому пониманию истории. Главным общенаучным методом исследования является диалектический, включающий принципы историзма, объективности и детерминизма, которые получили свою конкретизацию в последовательном и детальном анализе исторических событий и их взаимосвязи и взаимообусловленности.

3. Обсуждение

«Терроризм» отнюдь не новое понятие в политическом словаре человечества. Научный интерес к проблеме терроризма в ряде стран особенно вырос в последней четверти XX в. (Иванов, 2005: 64). В США, например, он активизировался в годы правления президента Р. Рейгана (Иванов, 2005: 64). Терроризм не является случайным событием и в нашей истории. В то же время отечественной наукой терроризму уделено меньше внимания, чем того требует его актуальность. Это явилось, в частности, следствием того, что тема терроризма оказалась табуизированной в советском обществе 1930–50-х гг. С конца 1960-х – начала 1970-х гг. после периода вынужденного забвения террорологическая тематика пережила стадию возрождения в советском научном сообществе. Начало системному процессу изучения отечественного терроризма было положено в трудах советского историка К.В. Гусева по истории партии социалистов-революционеров (эсеров) (Гусев, 1975). В конце 1980-х – начале 1990-х гг. появляются многочисленные статьи по терроризму на Западе. Так, его идейные истоки анализируются в работах известных ученых В.В. Витюка и С.А. Эфирова (Витюк, Эфиров, 1987; Витюк, 1993). Витюк, например, подчеркнул, что современный терроризм имеет «непосредственных предтеч в лице крайне радикалистских направлений» различного толка в Европе, США и России (Витюк, 1993: 43).

Террорологическая проблематика последнего времени в России придает мощный импульс научному изучению феномена российского терроризма. Очевидно, что терроризм в нашей стране возник не сегодня и не вчера, о чем свидетельствуют, в частности, проведенные в последние годы исследования (Будницкий, 2000; Вахрушев, 2011; Минеева и др., 2017; Mankov and others, 2016). Авторам представляется справедливым, что его история в нашей стране насчитывает не одно столетие (Щербаков, 2013: 13). В то же время, несмотря на имеющиеся работы и обширную практику, ряд аспектов терроризма по-прежнему слабо изучены. Так, отечественный исследователь В.А. Вахрушев отметил, что среди научного

сообщества отсутствует общее видение природы терроризма (Вахрушев, 2011: 187). Он считает одними из первых террористов секту сикариев, действовавшую в Палестине в I в. н.э. (Вахрушев, 2011: 188). Однако специалист очень мало пишет о первых русских террористах, определяя начало их «борьбы с самодержавием» периодом с 1878 г. (Вахрушев, 2011: 188). Российский философ Я.И. Гилинский отмечает, что «не существует единого понимания терроризма» (Гилинский, 2005: 17). Разнообразно трактуются генезис и становление этого явления в нашей стране. Некоторые авторы подчеркивают, что в России еще декабристы (А.И. Якубович) замыслили убийство царя в момент восстания (Федотова, 2003: 5). Белорусский историк В.В. Сергеенкова считает, к этому факту можно отнести «истоки терроризма», так как именно среди декабристов «впервые ... зародилась идея цареубийства как средства сделать общество более справедливым» (Сergeenкова, 2009: 311). Наш соотечественник и видный современный исследователь российского терроризма О.В. Будницкий видит «первую в России последовательно террористическую организацию» в «Народной расправе» С.Г. Нечаева (Будницкий, 2000: 38). Известная американская исследовательница терроризма А. Гейфман утверждает, что «с апреля 1866 года, памятного внезапно прогремевшим выстрелом Дмитрия Каракозова, неудачно покушавшегося на жизнь Александра II... полвека российской истории было окрашено в кровавый цвет революционного терроризма» (Гейфман, 1997: 3). История возникновения террористического насилия в России рассматривается отечественными авторами Е.К. Минеевой, А.В. Маньковым, Л.А. Шайпаком и другими (Минеева и др., 2017; Маньков, 2017). Они, в частности, отмечают, что один из пиков российского экстремизма пришелся на начало XX в., когда его носителем являлась партия социалистов-революционеров (ПСР) с ее террористической тактикой (Шайпак и др., 2017). Для широкого круга читателей, несомненно, будет интересна книга А.Ю. Щербакова «Терроризм. Война без правил», а также исторический справочник по проблеме терроризма (Щербаков, 2013; Жаринов, 1999).

Однако, несмотря на проведенные исследования, начальный период российского терроризма, по нашему мнению, остается недостаточно изученным в историческом аспекте периодом. Исходя из этого, автор данной работы в очередной раз анализирует процесс зарождения терроризма в России. Исследователь несколько по-иному, чем другие авторы, смотрит на генезис террористической деятельности в стране, что вносит определенную новизну в осмысление важной теоретической и практической проблемы становления терроризма. Так, на наш взгляд, требуют дополнительного осмысления специалистами социально-политические взгляды П.Г. Заичневского.

4. Результаты

Выполнение цели исследования предполагает проведение собственного анализа отечественного терроризма. Терроризм является сложным многоплановым социальным феноменом (Иванов, 2005: 63). Когда произошло возникновение российского терроризма? Поделемся некоторыми общими соображениями. Изначально, наше мнение основывается на том, что террористические действия имеют четыре основных признака: применение или угроза применения насилия, его политическая мотивация, создание обстановки страха и устрашения, а также ярко выраженный публичный характер действий! Надо хорошо понимать, что теракт – это, в первую очередь, акция устрашения власти и общества! В то же время мы полагаем что, терроризм становится таковым, когда появляется, в частности, идеология терроризма. Она, на наш взгляд, занимает центральное место в структуре этого феномена. Нет идеологии – нет терроризма! Идеологию терроризма принято в широком смысле называть экстремистской.

Для пояснения такого подхода обратимся к суждению отечественного исследователя терроризма О.В. Коноваловой о том, что «в античные и средневековые времена терроризм не носил, как правило, систематического характера, не нуждался в идеологическом оправдании...» (Коновалова, 2010: 70). В связи с этим, мы исходим из того, что понятие «терроризм» можно рассматривать как в узком, так и в широком смысле. В одном случае, терроризм – это только метод (способ) политической борьбы. В другом – сложное явление социально-политической жизни. Автор считает, что терроризм в указанные Коноваловой исторические эпохи еще не был социальным явлением. В Древнем мире и Средневековье идеологии терроризма еще не существовало. Следовательно, терроризм являлся тогда

просто методом, способом смены политической элиты, политическим убийством монарха, тирана или оппонента.

В нашем исследовании речь идет об одной из разновидностей терроризма – терроризме революционном, т.е. направленном, в конечном счете, на осуществление политических и социальных целей. Революционный терроризм, по нашему мнению, в онтологическом смысле вторичен по отношению к террору как к явлению, связанному с социально-политическим насилием и созданием обстановки страха в обществе. Его генезис, по нашему мнению, тесно переплетен с историей революционного движения и имеет национально-культурные особенности. Он возникает в Новое время в ряде европейских стран. Способом его существования являлось оппозиционное (революционное) террористическое насилие, проводившееся различными политическими партиями и организациями во второй половине XIX в. – начале XX в. Особое место в структуре революционного терроризма, на наш взгляд, занимает идеология революционно-террористического насилия. Мы считаем, что любое организованное революционное насилие невозможно без идеологии или каких-то идейно-организационных основ.

Исходя из этого, корни революционного терроризма как явления, на наш взгляд, следует искать там, где впервые появляются зачатки идеологии революционного насилия. Мы находим основы такого действия в конце XVIII – начале XIX вв. в Западной Европе. Во Франции и Италии в это время развивали свои радикальные идеи Г. Бабеф, Ф. Буонарроти и О. Бланки. Они призывали к организации заговора «революционного меньшинства», внезапное выступление которого с целью захвата власти должно было привести к народному восстанию и свержению существующего строя (Грачев, 1986: 13–14). Можно предположить, что это придавало бы движению откровенно экстремистский характер и подводило его, к серии отдельных террористических действий.

Однако вернемся в Россию. Концептуальные подходы, применяемые автором статьи в своем историческом исследовании, позволяют ему утверждать, что весной 2017 г. исполнилось 155 лет со дня публичного рождения идеологии российского революционно-террористического насилия. Что это за событие? В 1862 г. в Москве появилось революционное воззвание, которое было наполнено серьезными угрозами в адрес правительства, кровавыми пророчествами по поводу судьбы дворянства и призывами к насилию против помещиков. В мае того года московский обер-полицмейстер Крейц доносил генерал-губернатору, «что с 18 числа этого месяца неизвестные лица начали разбрасывать на бульварах и у подъездов домов возмутительного социального содержания воззвание под заглавием «Молодая Россия» (Кропоткин, 1966: 449). Вскоре содержание возвания неожиданно получило широкую известность во всей стране и скромный по размеру текст положил начало открытому распространению радикально-политических идей в российском обществе. Для Российской империи XIX в. это было неслыханно: даже дворяне-декабристы не сделали ничего подобного, хотя и думали о насильственном захвате власти.

Кто были авторы этого документа? Впервые идея революционного насилия встречается в документах кружка студентов Московского университета, организованного в начале 1861 г. П.Г. Заичневским и П.Э. Аргиропуло. В прошлом году Петру Заичневскому исполнилось 175 лет со дня рождения. Он был дворянином, сыном орловского помещика. По некоторым данным его отец дослужился до генеральского звания (Щербаков, 2013: 20). Заичневский закончил с серебряной медалью Орловскую гимназию и поступил на физико-математический факультет Московского университета. Его соратник – грек по национальности и уроженец Харькова Перикл Аргиропуло учился на юридическом факультете, но тяжело заболел и рано ушел из жизни (в 1862 г.). Их группа – это кружок, который выделился из московской революционной организации «Библиотека казанских студентов» (1859–1863 гг.).

Заичневский прожил 54 года (он умер в 1896 г. в Смоленске) и называл себя якобинцем, а идеи революционеров Франции считал возможным с успехом применить в России (Седов, 1966: 113). Летом 1861 г. он был арестован за пропаганду среди крестьян в имении своего отца. Интересен тот факт, что воззвание, по всей видимости, было написано им в тюрьме (Будницкий, 2000: 30). Весной 1862 г., будучи под следствием в камере Тверской полицейской части Москвы, благо, что режим не отличался особой строгостью, Заичневский написал прокламацию «Молодая Россия», которая разошлась по стране (Кропоткин, 1966: 449).

Каковы предпосылки этого события? Говоря о природе терроризма, мы придерживаемся мнения о том, что терроризм аккумулирует в себе социальные противоречия, достигшие в нашем обществе уровня конфликтов. Как говорил еще М.С. Горбачев: «Кризисы и конфликты – благодатная почва для международного терроризма» (Витюк, Эфилов, 1987: 4).

Одной из предпосылок появления радикализма 1860-х гг. явились последствия «великих реформ» Александра II. В нашем случае основная причина, на наш взгляд, неудовлетворительные с точки зрения оппозиционеров условия и ход крестьянской реформы 1861 г. Помещики считали, что сам факт получения крепостными личной свободы и части наделной земли является уже таким «благоденствием», за которое бывшие холопы должны чуть ли не вечно благодарить господ дворян и, как высказался симбирский помещик П.М. Мачеварианов, «воздвигнуть монумент дворянству выше огромнейших пирамид египетских» (ГАУО, Ф. 257. Оп. 1. Д. 20. Л. 4).

Однако социальные и политические противоречия, не устраненные крестьянской реформой и другими преобразованиями, привели к новому общественному конфликту. В начале 1860-х гг. в стране вместе с обострением крестьянского вопроса началось студенческое и семинаристское движение. В обществе произошла усиленная радикализация интеллигенции и российского студенчества, не удовлетворенных итогами реформ. Передовая российская интеллигенция, в частности, активно помогала крестьянам (Щербаков, 2013: 20).

Эта радикализация осуществлялась очень быстро, благодаря, не в последнюю очередь, «усилиям» властей. Так серьезный удар был нанесен по Харьковско-Киевскому тайному обществу, в которое входили студенты университетов этих городов. Общество возникло и действовало в 1856 г. на юге страны – в Малороссии (Седов, 1966: 193). В Харькове, например, студенты издали памфлет с критикой Манифеста об освобождении крестьянства. Власти устроили жестокий разгром общества: студенты подверглись аресту, заточению в крепость, а затем ссылки в Сибирь. Однако и позже этих юношей не оставили в покое. В связи с петербургскими пожарами 1862 г., их «вытащили» из ссылки, снова привезли в столицу и поместили в Петропавловскую крепость.

Взгляды радикалов-южан поддержали московские студенты из кружка Заичневского-Аргиропуло. Российская экстремистская идея разрабатывалась, в основном, на зарубежном опыте. В воззвании хорошо просматривалось большое влияние западноевропейской общественно-политической мысли, которое уловил А.И. Герцен. Он считал, что «Молодая Россия» «вовсе не русская, это одна из вариаций западного социализма, метафизика французской революции...» (Будницкий, 2000: 32). В общем-то, не отрицал этого и автор воззвания. «Мы изучали историю Запада, – писал Заичневский, – и это изучение не прошло для нас даром; мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах» (Будницкий, 2000: 30).

Особо следует отметить, что в прокламации впервые в России, убийство открыто признавалось нормальным средством достижения социальных и политических целей. «Молодая Россия» призывала к «кровавой, неумолимой революции, которая должна изменить радикально всё, все без исключения основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка» (Будницкий, 2000: 30). Можно конечно возразить, что автор в открытую не использовал в воззвании термин «террор», а по своим взглядам был, видимо, бланкистом. Но, с другой стороны, что это, если не призыв к революционному террору – «Скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком «Да здравствует социальная и демократическая республика русская!» двинемся на Зимний дворец истреблять живущих там. Может случиться, что все дело кончится истреблением императорской фамилии, т.е. какой-нибудь сотни, другой людей», указывалось в прокламации (Будницкий, 2000: 30).

В другом месте автор «Молодой России», указывая на связь царя с «императорской партией», угнетающей народ, замечает: «Ни он без нее, ни она без него существовать не могут. Падет один – уничтожится и другая» (Будницкий, 2000: 30). Таким образом, он определил

первоочередной объект революционного насилия в России – императора и его семью, что, на наш взгляд, опять же было впервые в революционной тактике.

Ликвидацию царя, Заичневский, видимо, уже тогда считал одной из основных задач периода, что во многом определило впоследствии цели и характер террористической деятельности российских революционеров 1860–1880-х гг. В то же время, террор для Заичневского – отнюдь не самодовлеющее средство борьбы, а скорее неизбежный фрагмент при захвате власти и, если потребуется, действенное средство для ее удержания (Будницкий, 2000: 31).

Были ли популярны эти идеи среди современников? Уже тогда, в начале 1860-х гг. Заичневский и его единомышленники не были абсолютно одиноки в своих радикальных настроениях и экстремистских планах. Так, эмигрант В.И. Кельсиев, бывший в России весной 1862 г., свидетельствовал впоследствии об этом в своей «Исповеди». Он писал: «Молодую Россию» никто не хвалил, но думавших одинаково с нею было множество; ей только в вину ставили, что она разболтала то, о чем молчать следовало» (Будницкий, 2000: 33). По всей видимости, среди нетерпеливой радикальной молодежи 1860-х гг. был исключительно велик соблазн террористической идеи, которая по взглядам многих из них была одним из самых коротких путей для достижения поставленной цели – свержения монархии в России.

На это обратил внимание и Герцен, который усмотрел в ней прямые призывы к террору. В целом не поддерживая прокламацию, он писал: «Кто знаком с возрастом мыслей и выражений, тот в кровавых словах «Юной России» узнает лета произносящих их. Террор революций с своей грозной обстановкой и эшафотами нравится юношам, так, как террор сказок с своими чародеями и чудовищами нравится детям. Террор легок и быстр, гораздо легче труда, «гнет не парит, ломит – не тужит», освобождает деспотизмом, убеждает гильотиной. Террор дает волю страстям, очищая их общей пользой и отсутствием личных видов. Оттого-то он и нравится гораздо больше, чем самообуздание в пользу дела» (Будницкий, 2000: 32–33).

Содержание «Молодой России» активно распространилось по стране. Так, например, ее идеи проникли в Среднее Поволжье. Известный народник уроженец Пензенской губернии П.И. Войноральский в мае 1874 г. прочитал крестьянам Ставропольского уезда Самарской губернии эту прокламацию и призвал мужиков «подписаться», то есть вступить в тайную организацию. Содержание беседы вызвало широкий резонанс среди крестьян и привело в испуг местные власти, которые развернули сеть тайной агентуры, произвели обыски и аресты народнических пропагандистов.

Имя Заичневского, по авторитетному мнению видного отечественного историка М.Г. Седова, было «тесно вплетено в историю революционного движения страны на протяжении 35 лет». Историк, подчеркивая огромный вклад Заичневского в развитие революционного движения, писал о существовании «школы Заичневского» (Седов, 1966: 112). Заичневский явился родоначальником русского бланкизма и его смело можно считать «дедушкой русской революции». В то же время необходимо согласиться с оценкой другого историка Е.Л. Рудницкой о том, что русский бланкизм «стал идейно-теоретической первоосновой утверждения насилия и террора» (Рудницкая, 1997: 19). Р.Г. Эймонтова считает, что «Молодая Россия» отразила позиции «крайних радикалов» того периода (Рудницкая, 1997: 50).

В деятельности же кружка Заичневского-Аргиропуло дальше громких слов и радикальных призывов «революционное дело» не пошло – за маленькой группой студентов не было никакой «реальной силы». Однако Сенат признал Заичневского виновным в произнесении речей, направленных на ниспровержение существующего «вида правления» и против верховной власти. Заичневский был осужден, отбывал ссылку в Сибири (Иркутская губерния), затем – в 1869–1873 гг. в Среднем Поволжье (Пензенская губерния).

Ученики Заичневского до возникновения «Народной воли» ничем значительным себя не проявили. С появлением этой революционно-террористической организации ситуация изменилась и некоторые «заичневцы» нашли себе место и для боевой работы. Так М.Н. Ошанина оказалась даже одним из учредителей «Народной воли» и членом ее Исполнительного комитета с первого и до последнего дня его существования (Седов, 1966: 114). Другой бывший член кружка студент-москвич М. Сваричевский, будучи в середине

1860-х гг. в ссылке в Симбирской губернии, публично критиковал «все меры и распоряжения правительства» и предсказал «скорое падение установленного порядка» (Трофимов, 1984: 20).

Заичневский не использовал термин «террор» и, по нашему мнению, не являлся его открытым сторонником. В практике российских оппозиционеров его тогда еще не существовало. Ссылки юного радикала, которому не было и 20 лет от роду, на европейский террористический опыт носили скорее демагогический характер. Однако «Молодая Россия» – это предтеча нечаевских прокламаций и нескончаемого потока листовок, наводнивших Россию в конце XIX в. и особенно в начале XX в. Сегодня понятно, что написанная Заичневским в юности «Молодая Россия» явилась не только бланкистской программой революционного переворота, но и одним из ярчайших революционно-пропагандистских печатных образцов в истории революционного движения, исходным документом российского революционного экстремизма и первым квазитеррористическим воззванием.

Появление первой экстремистской прокламации в стране удивительным образом совпало с большими пожарами в Петербурге в 1862 г. и ряде других городов империи, в частности в Симбирске, что дало повод властям раздуть дело о революционной партии и «убийцах-революционерах» (Кропоткин, 1966: 171). Основание для этого было – воззвание была подписано «мифическим Центральным Революционным Комитетом» (Лурье, 2001: 90). И хотя власти так и не узнали о том, кто являлся авторами «Молодой России», слова Заичневского о том, что «Россия вступает в революционный период своего существования» оказались пророческими. Радикальные идеи были развиты в деятельности других организаций, в частности, ишутинцев. Они обрели практический опыт в неудачном «выстреле Каракозова» в императора (4 апреля 1866 г.), а затем сформулированы в «Народной расправе» Нечаева.

Сергей Нечаев – еще одна знаковая фигура российского экстремизма 1860-х гг. Он родился в 1847 г. в Иваново, а в 1869 г. организовал в Москве тайное общество «Народная расправа». Для вербовки членов этой группы Нечаев применял обман и мистификацию (Кропоткин, 1966: 272). Не так ли порой добиваются своих целей современные радикалы? После организованного им убийства члена организации студента Иванова, который высказал сомнение в честности Нечаева, он бежал за границу (Кропоткин, 1966: 487). Подобные действия также встречаются в настоящем. Созданная Нечаевым организация подверглась жестокому разгрому властей (Кропоткин, 1966: 272). В 1872 г. Нечаев был выдан швейцарскими властями русскому правительству, осужден на 20 лет каторги, замененной пожизненным заключением в Петропавловскую крепость, где и умер в одиночной камере в 1882 г. (Кропоткин, 1966: 487).

Знаменитый русский анархист П.А. Кропоткин считал, что Нечаев был «опасным политическим преступником» (Кропоткин, 1966: 300). Что же он сделал такого, кроме организации убийства, чтобы стать «врагом империи № 1»? Нечаев собрал в Москве вместе остатки «ишутинцев», разбил их на «пятёрки» и построил в иерархическом порядке, как в тайных обществах Западной Европы. Он первым сформулировал идею строгой конспирации. Так, нижестоящая «пятёрка» подчинялась вышестоящей, зная только одного её члена, который ею руководил. Нечаев требовал железной дисциплины, абсолютного подчинения рядовых членов «организатору» и крайней централизации кружков. Создаваемое им тайное общество, должно было представлять собой некую революционную сеть. Нечаев разработал все документы будущей организации, находясь в Швейцарии, а в России заявил, что он агент женева Революционного Комитета. Нечаев считал, что Россия стоит на пороге революции (датой ее начала он видел весну 1870 г.), в которой его организация будет играть основную роль. Цель общества – разрушить самодержавный строй. Тактика подразумевала, в том числе, и террор.

Нечаев является автором «Катехизиса революционера» – негласного устава общества, написанного им в апреле-июле 1869 г. под влиянием идей Бакунина и Ткачева (Будницкий, 2000: 38). На Нечаева, видимо, оказали еще и влияние идеологи ишутинских «Организаций» и группы «Ад», а также роман Чернышевского «Что делать?» с его «новым человеком» Рахметовым. Знаменитый философ Н.А. Бердяев отмечал, что «Катехизис революции» есть «своеобразно-аскетическая книга, как бы наставление к духовной жизни революционера. И предъявляемые им требования суровее требований сирийской аскезы. Революционер не

должен иметь ни интересов, ни дел, ни личных чувств и связей, ничего своего, даже имени. Все должно быть поглощено единственным, исключительным интересом, единственной мыслью, единственной страстью – революцией. Все, что служит революции, – морально, революция есть единственный критерий добра и зла. Нужно пожертвовать множественным во имя единого ... При этом живая человеческая личность оказывается раздавленной, от нее отнимается все богатство жизни во имя божества – революции» (Бердяев, 1990: 138).

Бердяев писал, что Нечаев проповедывал «беспощадный террор» (Бердяев, 1990: 138). Сам Нечаев считал, что с убийства царской семьи начнется государственный переворот. Правда в 1-ом номере журнала «Народная расправа», изданного и привезенного Нечаевым из-за границы, цареубийство не ставилось ближайшей и непосредственной задачей революционной организации, но это бы лишь тактический ход. Позже «Народная расправа» писала: «Мы теперь, однако, подождем до поры до времени трогать Александра Николаевича». И далее: «Мы не будем трогать царя, если нас к тому не вызовет преждевременно какая-нибудь безумная мера или факт, в котором будет заметна его инициатива. Мы уберем его для казни торжественной и мучительной перед лицом всего освобожденного черного люда, на развалинах государства» (Козьмин, 1929: 150). С другой стороны, нечаевец А.К. Кузнецов в своей автобиографии пишет, что Нечаев посвятил его в планы цареубийства, которые тот обдумывал осенью 1869 г. Нечаев якобы рассказал ему о том, что цареубийство «не представляет больших трудностей и ворвавшись...во дворец и обезоружив стражу, возможно, было покончить с царем и его семьей» (Козьмин, 1929: 151–152).

Бердяев назвал Нечаева «предшественником большевизма» (Бердяев, 1990: 139). На наш взгляд, он был «законченным экстремистом» и первым относительно последовательным российским террористом.

К слову, терроризм в прошлом был «оружием молодых». Так, Нечаеву в год убийства Иванова было всего 22 года. Первые экстремисты были грамотными и по-своему убежденными людьми. Их социальное происхождение позволяет говорить о разночинском характере движения: Заичневский – дворянин, Нечаев был внебрачным сыном помещика, по рождению – крепостным.

5. Заключение

В заключении отметим, что революционный терроризм в России как форма политического оппозиционного насилия давно стал значительным фактом российской истории. Он имел как глубокие социально-экономические, так и давние исторические корни. Россия познакомилась с терроризмом без какого-либо участия или влияния последователей ислама. Корни российского терроризма связаны с революционным движением страны второй половины XIX в. В этом Россия не являлась исключением из мирового процесса развития социально-политического насилия. Терроризм в России формировался как универсальный способ решения социально-политических проблем.

Авторы отмечают, что истоки отечественного терроризма надо искать в 1860-е гг. В эти годы среди отечественных оппозиционеров начали формироваться радикальные взгляды на перспективы общественного развития страны, создавались революционные воззвания и зарождались истоки идеологии экстремизма и тактики революционного терроризма.

«Пионером» русского радикализма можно считать «первого русского якобинца» П. Заичневского (весна 1862 г.). Экстремистские традиции были продолжены в обществе Н. Ишутина, обрели практический опыт в неудачном «выстреле Каракозова» в императора (4 апреля 1866 г.), а затем вновь сформулированы в «Народной расправе» (1869 г.). Первым относительно последовательным идеологом экстремизма и представителем революционного терроризма в России является С. Нечаев. Он стал знаковой фигурой российского экстремизма своего времени и «врагом империи № 1». Его «Катехизис революционера» – первый российский квазитеррористический документ (1869 г.). В то же время организацию «Народная расправа», созданную Нечаевым, нельзя считать террористической. Единственное убийство, жестоко совершенное нечаевцами («Нечаевское дело») 21.11. 1869 г., носило, на наш взгляд, неопределенный, возможно некий «сакральный» (жертвенный) характер, но не имело четких признаков терроризирования власти и общества. Это действие можно считать лишь первым актом «внутреннего

терроризма» оппозиционеров. Эпоха революционного терроризма в России еще не наступила. В целом 1860-е гг. стали, на наш взгляд, периодом «предреволюционного терроризма» в России.

В настоящем терроризм – это крайняя форма проявления экстремизма. Мы полагаем, что подходы к проблеме терроризма очень идеологизированы, а с идеями и идеологией очень трудно бороться. Задача нашего государства – не допустить кровавого насилия революций 1905–1907 гг. и 1917 г., а также Гражданской войны в современной истории общества.

Литература

Бердяев, 1990 – Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука. 1990. С. 43–271.

Будницкий, 2000 – Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 399 с.

Вахрушев, 2011 – Вахрушев В.А. Исторические аспекты терроризма // *Вестник академии военных наук*. 2011. № 2 (35). С. 187–196.

Витюк, 1993 – Витюк В.В. Терроризм постперестроечной эпохи // *Социологические исследования*. 1993. № 7. С. 42–50.

Витюк, Эфирова, 1987 – Витюк В.В., Эфирова С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М.: Наука, 1987. 322 с.

Гейфман, 1997 – Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917 гг. / Пер. с англ. Е.Ю. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 448 с.

Гилинский, 2005 – Гилинский Я.И. Современный терроризм: кто «виноват» и «что делать?» // *Философские науки*. 2005. № 9. С. 17–21.

Грачев, 1986 – Грачев А.С. Политический экстремизм. М.: Мысль, 1986. 271 с.

ГАУО – Государственный архив Ульяновской области.

Гусев, 1975 – Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М.: Мысль, 1975. 383 с.

Дворянов и др., 2005 – Кременчуцкий А.Л., Дворянов Е.Я., Волков В.Ф. Международный терроризм – главная угроза XXI века. Спб.: ВАС, 2005.

Жаринов, 1999 – Жаринов К.В. Терроризм и террористы: исторический справочник / под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск: Харвест, 1999. 606 с.

Иванов, 2005 – Иванов В.Н. Феномен терроризма // *Социологические исследования*. 2005. № 7. С. 63–71.

Козьмин, 1929 – Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М.: 1929. 192 с.

Коновалова, 2010 – Коновалова О.В. Особенности терроризма в России: исторические аспекты // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2010. № 3 (7). С. 69–73.

Кропоткин, 1966 – Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1966. 504 с.

Лурье, 2001 – Лурье Ф.М. Нечаев – создатель разрушения. М.: Молодая гвардия, 2001. 130 с.

Маньков, 2017 – Маньков А.В. К вопросу об истории терроризма: истоки, становление и эволюция в России // *Вестник Чувашского университета*. 2017. № 2. С. 93–98.

Минеева и др., 2017 – Маньков А.В., Минеева Е.К. Российский революционный терроризм // *Вопросы истории*. 2017. № 7. С. 67–76.

Мохоров и др., 2003 – Карпов Е.А., Мохоров Г.А., Родин В.А. Международный терроризм: особенности его военно-политических объединений // *Военная мысль*. 2003. № 1. С. 4–11.

Рудницкая, 1997 – Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / под ред. Е.Л. Рудницкой. М., Археографический центр, 1997. 576 с.

Седов, 1966 – Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М.: Мысль, 1966. 364 с.

Сергеенкова, 2009 – *Сергеенкова В.В.* Проблема терроризма в теории и практике российского революционного движения // *Труды исторического факультета БГУ.* Минск, 2009.

Тихонов, 2009 – *Тихонов А.* Против террора – всем обществом // *Красная Звезда.* 2009. 13–19 мая. № 83 (25326). С. 8–9.

Трофимов, 1984 – *Трофимов Ж.А.* Демократический Симбирск молодого Ленина. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1984. 176 с.

Шайпак и др., 2017 – *Маньков А.В., Волков А.П., Шайпак Л.А.* Революционный терроризм и государственный террор: опыт и уроки первой российской революции (к 110-ти летию революции 1905–1907 гг.) // *Вестник Екатеринбургского института.* 2017. № 1 (37). С. 15–19.

Щербаков, 2013 – *Щербаков А.Ю.* Терроризм. Война без правил. М.: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2013. 464 с.

Федотова, 2003 – *Федотова В.Г.* Терроризм: от старого к новому // *Философские науки.* 2003. № 2. С. 5–25.

Mankov and others, 2016 – *Mankov A. V. Mineeva E.K. Mineev A.I. Shaypak L.A.* Revolutionary terrorism: tactics, organizations and practice. *Bylye gody,* 2016, vol. 42, iss. 4, pp. 1321–1327.

References

Berdjaev, 1990 – *Berdjaev N.A.* (1990). Russkaja ideja. O Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture: Filosofija russkogo posleoktjabr'skogo zarubezh'ja [Russian idea. About Russia and Russian philosophical culture: Philosophers of the Russian post-October abroad]. Moscow, Nauka Publ., pp. 43–271. [in Russian]

Budnickij, 2000 – *Budnickij O.V.* (2000). Terrorizm v rossijskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologija, jetika, psihologija (vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka) [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (second half of XIX – beginning of XX century)]. Moscow, Rossijskaja političeskaja jenciklopedija. Russian political encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 399 p. [in Russian]

Vahrushev, 2011 – *Vahrushev V.A.* (2011). Istoricheskie aspekty terrorizma [Historical aspects of terrorism]. *Vestnik akademii voennyh nauk.* No. 2 (35), pp. 187–196. [in Russian]

Vitjuk, 1993 – *Vitjuk V.V.* (1993). Terrorizm postperestroечноj jepohi [Terrorism post-perestroika era]. *Sociologičeskie issledovanija.* No. 7. pp. 42–50. [in Russian]

Vitjuk, Jefirov, 1987 – *Vitjuk V.V., Jefirov S.A.* (1987). «Levyj» terrorizm na Zapade: istorija i sovremennost' ["Left" terrorism in the West: history and modernity]. Moscow, Nauka Publ., 322 p. [in Russian]

Gejfmán, 1997 – *Gejfmán A.* (1997). Revoljucionnyj terror v Rossii. 1894–1917 gg. [Revolutionary terror in Russia. 1894–1917]. Moscow, KRON-PRESS Publ., 448 p. [in Russian]

Gilinskij, 2005 – *Gilinskij Ja.I.* (2005) Sovremennyj terrorizm: kto «vinovat» i «čto delat'»? [Modern terrorism: who is "guilty" and "what to do?"]. *Filosofskie nauki.* No. 9. pp. 17–21. [in Russian]

Grachev, 1986 – *Grachev A.S.* (1986) Političeskij jekstremizm. Moscow, Mysl' Publ., 271 p. [in Russian]

GAUO – Gosudarstvennyj arhiv Ul'janovskoj oblasti [State Archives of the Ulyanovsk Region].

Gusev, 1975 – *Gusev K.V.* (1975). Partija jeserov: ot melkoburžuaznogo revoljucionarizma k kontrrevoljucii [Party of socialist-revolutionaries: from petty-bourgeois revolutionism to counter-revolution]. Moscow, Mysl' Publ., 383 p. [in Russian]

Dvorjanov i dr., 2005 – *Kremenčuckij A.L., Dvorjanov E.Ja., Volkov V.F.* (2005). Mezhdunarodnyj terrorizm – glavnaja ugroza XXI veka [International terrorism – the main threat of the XXI century]. Spb., Military Academy of Communications Publ. [in Russian]

Zharinov, 1999 – *Zharinov K.V.* (1999). Terrorizm i terroristy: istoričeskij spravocnik [Terrorism and terrorists: historical reference]. Pod obshh. red. A.E. Tarasa. Minsk, Harvest Publ., 606 p. [in Russian]

Ivanov, 2005 – *Ivanov V.N.* (2005). Fenomen terrorizma [The phenomenon of terrorism]. *Sociologičeskie issledovanija.* No. 7. pp. 63–71. [in Russian]

- Koz'min, 1929** – *Koz'min B.P.* (1929). Revoljucionnoe podpol'e v jepohu «belogo terrora» [Revolutionary underground in the era of "white terror"]. Moscow, 192 p. [in Russian]
- Konovalova, 2010** – *Konovalova O.V.* (2010). Osobennosti terrorizma v Rossii: istoricheskie aspekty [Features of terrorism in Russia: historical aspects]. *Vestnik Sibirskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii*. No. 3 (7). pp. 69–73. [in Russian]
- Kropotkin, 1966** – *Kropotkin P.A.* (1966). Zapiski revoljucionera [Memoirs of a revolutionary]. Moscow, Mysl' Publ., 504 p. [in Russian]
- Lur'e, 2001** – *Lur'e F.M.* (2001). Nechaev – sozidatel' razrushenija [Nechaev – the Creator of destruction]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 130 p. [in Russian]
- Man'kov, 2017** – *Man'kov A.V.* (2017). K voprosu ob istorii terrorizma: istoki, stanovlenie i jevoljucija v Rossii [On the history of terrorism: origins, formation and evolution in Russia]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. No. 2. pp. 93–98. [in Russian]
- Mineeva i dr., 2017** – *Man'kov A.V., Mineeva E.K.* (2017). Rossijskij revoljucionnyj terrorizm [Russian revolutionary terrorism]. *Voprosy istorii*. No. 7. pp. 67–76. [in Russian]
- Mohorov i dr., 2003** – *Karpov E.A., Mohorov G.A., Rodin V.A.* (2003). Mezhdunarodnyj terrorizm: osobennosti ego voenno-politicheskikh ob'edinenij. [International terrorism: characteristics, his political and military associations]. *Voennaja mysl'*. No. 1. pp. 4–11. [in Russian]
- Rudnickaja, 1997** – Revoljucionnyj radikalizm v Rossii: vek devjattjadcatyj. [Revolutionary radicalism in Russia: the nineteenth century]. Pod red. *E.L. Rudnickoj*. Moscow, Arheograficheskij centr Publ, 1997. 576 p. [in Russian]
- Sedov, 1966** – *Sedov M.G.* (1966). Geroicheskij period revoljucionnogo narodnichestva [Heroic period of revolutionary populism]. Moscow, Mysl' Publ, 364 p. [in Russian]
- Sergeenkova, 2009** – *Sergeenkova V.V.* (2009). Problema terrorizma v teorii i praktike rossijskogo revoljucionnogo dvizhenija [The Problem of terrorism in the theory and practice of the Russian revolutionary movement]. *Pracy gistorychnaga fakul'tjeta BDU*. Minsk [in Russian]
- Tihonov, 2009** – *Tihonov A.* (2009). Protiv terrora – vsem obshhestvom [Against terror – the whole society]. *Krasnaja Zvezda*. 13–19 maja. No. 83 (25326). pp. 8–9. [in Russian]
- Trofimov, 1984** – *Trofimov Zh.A.* (1984). Demokraticeskij Simbirsk molodogo Lenina [Democratic Simbirsk young Lenin]. Saratov, Privolzhskoe Publ., 176 p. [in Russian]
- Shajpak et al., 2017** – *Man'kov A.V., Volkov A.P., Shajpak L.A.* (2017). Revoljucionnyj terrorizm i gosudarstvennyj terror: opyt i uroki pervoj rossijskoj revoljucii (k 110-ti letiju revoljucii 1905–1907 gg.) [Revolutionary terrorism and state terror: the experience and lessons of the first Russian revolution (to the 110-th anniversary of the revolution of 1905-1907)]. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*. No. 1 (37). pp. 15–19. [in Russian]
- Shherbakov, 2013** – *Shherbakov A.Ju.* (2013). Terrorizm. Vojna bez pravil [Terrorism. War without rules]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ, 464 p. [in Russian]
- Fedotova, 2003** – *Fedotova V.G.* (2003). Terrorizm: ot starogo k novomu. [Terrorism: from old to new]. *Filosofskie nauki*. No. 2. pp. 5–25. [in Russian]
- Mankov and others, 2016** – *Mankov A. V. Mineeva E.K. Mineev A.I. Shaypak L.A.* (2016). Revolutionary terrorism: tactics, organizations and practice. *Bylye gody*, vol. 42, is. 4, pp. 1321–1327. [in Russian]

Пролог российского терроризма

Андрей Васильевич Маньков ^{a, *}

^a Военная академия связи имени С.М. Буденного, Российская Федерация

Аннотация. В конце XX в. для многих россиян терроризм из абстрактного понятия превратился во вполне реальное социально-политическое явление. По мнению отечественных экспертов, в XXI в. террористическая угроза для ряда государств мира только усилится, при

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: 63donetsk@mail.ru (А.В. Маньков)

этом Российская Федерация не является исключением. Научное осмысление терроризма в настоящем важно в интересах дальнейшего противодействия государства террористическому насилию, имеющему место в нашем обществе. Изучение истории терроризма и сопротивления ему в прошлом – одна из насущных задач решения цели борьбы с террористической угрозой. В связи с этим обоснованным является исследовательское обращение к истокам этого явления в социально-политической жизни России. Автор отмечает, что пролог отечественного терроризма надо искать в 1860-е гг. Корни российского терроризма тесно связаны с революционным движением в нашей стране второй половины XIX в. Возникновение терроризма в России явилось, в первую очередь, следствием развития сложных социально-политических проблем.

Ключевые слова: Россия, терроризм, истоки терроризма, «Молодая Россия», «Народная расправа», «Катехизис революционера», экстремизм.